



М. В. Бибиков

РУСЬ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ: ДОГОВОРЫ РУСИ С ГРЕКАМИ X в.

Древнейшими документальными памятниками русско-византийских отношений являются договоры Руси с греками 907, 911, 944 и 971 г. Они сохранены «Повестью временных лет» и известны тем самым только в древнерусской версии: ведь международные договоры, по практике тех лет, заключались как на греческом языке, так и на языках византийских контрагентов. Составлению дипломатических документов всякий раз предшествовали походы русских князей на Византию — Олега, затем Игоря и, наконец, Святослава. Правовые акты были призваны юридически закрепить результаты кампаний.

Русско-византийские договоры, будучи древнейшими дипломатическими актами древней Руси, в этом смысле не являются, конечно, в строгом смысле «византийскими источниками» по истории Руси. Однако детальный текстологический, дипломатический и правовой анализ¹ показал, что тексты дипломатического протокола, актовых и юридических формул, сохраненные в древнерусских версиях трех последних договоров (в 907 г. не было, по всей видимости, выработано реального документа с необходимым набором дипломатических атрибутов, но было заключено лишь общее соглашение), являются либо переводами классических византийских канцелярских стереотипов, известных по сохранившимся греческим подлинным актам, либо парафразой памятников византийского права.

Все три текстуально известных договора дошли до нас в древнерусской версии, отмеченной некоторыми русизмами, однако все они имеют византийские дипломатические прототипы. Сохранившиеся тексты являются переводами, сделанными с аутентичных (т. е. обладавших силой оригинала) копий актов из специальных копийных книг.

Договоры с Византией следует считать древнейшими письменными источниками русской государственности. Вместе с тем, будучи международными договорными актами, они зафиксировали нормы международного права, а также правовые нормы договаривающихся сторон, что означает вовлечение каждой из них в орбиту другой культурно-юридической традиции.

К нормам международного права можно отнести те статьи русско-византийских договоров, аналоги которым обнаруживаются в текстах ряда других договоров Византии. Это относится к

¹ *Лавровский Н. А.* О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853; *Sorlin I.* Les traités de Byzance avec la Russie au X-e siècle // *Cahiers du monde russe et soviétique.* 1961. Vol. 2. № 3–4. P. 447–475; *Malingoudi J.* Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jhs. aus diplomatischer Sicht. Thessalonike, 1994; *Капитанов С. М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996.

ограничению срока пребывания иноземцев в Константинополе, отмеченному соглашениями 907 и 944 г., к нормам берегового права, отраженным в договоре 911 г. Аналогом положений того же текста о беглых рабах могут быть пункты византийско-болгарских соглашений. Ограничение на вывоз шелка, зафиксированное в договоре 944 г., также было характерно для юридических документов того времени, причем не только Византии. Византийские дипломатические соглашения включали в себя пункты о термах (банных), сходные с соответствующими условиями договора 907 г. Наконец, международной нормой являются отмеченные текстом 944 г. протокольные требования наличия печатей у послов и купцов.

Дипломатическое оформление русско-византийских договоров, как неоднократно отмечалось исследователями, во многом обязано византийскому канцелярскому протоколу. Поэтому важно обобщить отраженные в текстах греческие протокольные и юридические нормы, канцелярские и дипломатические стереотипы, нормы, институты. К ним относится обычное для византийских актов упоминание соправителей наряду с правящим монархом: Льва, Александра и Константина в договоре 911 г., Романа, Константина и Стефана в договоре 944 г., Иоанна Цимисхия, Василия и Константина в договоре 971 г. Эта особенность была чужда как летописным текстам, так и кратким византийским хроникам, являясь элементом формуляра официальных документов.

Определяющее влияние византийских норм сказалось в использовании византийских весовых и денежных мер, литр, в тексте 911 г., а также византийской системы летосчисления и датировки акта в договорах 911 и 944 г., индиктовой датировки договора 971 г. Цена раба в договоре как 911 г., так и 944 г. (вдвое меньшая) близка к вилке средней цены невольника в Византии. Выявляемое по договору Игоря превосходство ранга послов над рангом купцов соответствует данным трактата Константина Багрянородного «О церемониях», где выплаты в столице послам вдвое превосходят купеческие. Требование третьего пункта того же договора о необходимости специальной регистрации иноземных торговцев, прибывающих в Константинополь, находит свое подтверждение в «Книге епарха», а в следующем параграфе этого документа отражен византийский обычай выкупа пленных за шелковые ткани. Некоторые определения рассматриваемых договоров сопоставимы с положениями юридических памятников.

Можно указать и славянские кальки с греческих типичных для византийской дипломатии формул. В договорах выражение «цесарство наше» передает общераспространенное греческое βασιλεία σου как эпоним императорской персоны, а «цесарев муж» передает наименование византийской придворной должности василика. Формула договора 911 г. — «равно другаго свещания» отражает греческое ἴσον, т. е. это аутентичный экземпляр, дубликат официального актового текста. «По первому убо слову» — обычное греческое вступление документов (κατὰ οὖν πρώτου λόγου); «суть яко понеже» сопоставимо с аналогичной фразой известного византино-персидского мира 562 г., текст которого сохранен во фрагментах «Истории» Менандра Протектора.

Но наряду с этим, очень характерны зафиксированные в текстах договоров термины и понятия, *противоречащие византийскому социально-политическому и конфессиональному этикету*. Это категория «цесари», обозначающая в договоре 907 г. отнюдь не титул цесаря (стоящего в иерархии, разумеется, ниже императора), а самого василевса. То же можно сказать и об употреблении общеславянского этнонима «греки», в известной степени уничижительного для «ромеев»-византийцев. «Боярство» в том же договоре 907 г. — тоже категория не из византийского понятийно-культурного круга. Отражением древнерусских реалий является и клятва на оружии в договоре 911 г., а также, разумеется, и клятва Перуном. Предусмотренная договором Олега передача имущества убийцы в случае его побега ближайшему родственнику убитого не находит аналогий в византийском праве. Исследователями отмечалась и неприменимость эпитета «боговдохновенный» к византийскому императору, как это сделано в договоре 971 г.

Обнаруживаемые параллели как юридических норм русско-византийских договоров с нормами византийских юридических текстов, прежде всего X в., так и протокольных форм являются важным датирующим моментом, противоречащим гипотезе о позднем происхождении текстов договоров, синхронном времени написания «Повести временных лет», в составе которой договоры дошли до нас.

Учет византийской концепции политической иерархии в мире и дипломатической практики Империи в отношениях с другими государствами помогает оценить русско-византийские договоры и взаимоотношения обоих государств. Принципы и методы византийской дипломатии во взаимоотношениях с «варварскими» государствами включали в себя, прежде всего, установление межгосударственных договорных отношений, введших международную политику в правовое русло, теоретически препятствовавшее совершению неожиданных набегов, разгрому городов, оказанию военного давления.

Именно таковой была политика Империи в предшествующий X веку период по отношению к традиционно опасным для себя партнерам-противникам — на востоке, в Малой Азии, и на севере, в Подунавье.

Особенность внешнеполитического положения Византии в X в. обуславливалась военным давлением на нее с двух традиционно опасных направлений — с востока и севера. На востоке в это время велись войны с арабами, морскими пиратами.

На севере Империи, помимо сложных взаимоотношений с Болгарским царством, ставшим при царе Симеоне могущественным фактором международных взаимоотношений в регионе, новым контрагентом внешней политики Византии уже со второй половины IX в. становится развивающееся и крепнущее Древнерусское государство.

Международно-политическая концепция Византии, ее отношения с другими странами и народами, в том числе и с Русью, была обусловлена традиционализмом идеологических установок. Они заключались в римском имперском универсализме, в эллинистическом противопоставлении греков и «варваров», в христианском экуменизме с идеей общей церкви и в библейском представлении об избранном народе, сочетавшемся с византийской идеей самодержавия. Одновременно нельзя не отметить удивительную пластичность и гибкость византийской дипломатии в балансировке между традиционной теорией и учетом политических реалий современности².

Важным фактором распределения своего влияния на окружающий мир Византия считала христианство. Причем вера и церковь являлись не только фактором духовного, культурного взаимодействия, но и мерой разрешения политических конфликтов. Так, активность константинопольского патриарха Николая Мистика, тонкость политической игры в византино-болгарских отношениях начала X в. побудили остановить намерения Симеона сесть на византийский престол в Константинополе с помощью военной силы, но, вместе с тем, снискать почетнейший в мировой «табели о рангах» восточноевропейских государств Средневековья титул василевса болгар, став как бы равным с василевсом ромеев — византийским императором. В мировой христианской ойкумене центром оставалась столица на Босфоре, а главой православного мира воспринимался император ромеев. В связи с этим характерно, что вновь христианизированные Византией народы становились в положение как бы духовных детей; именно как к духовному сыну обращается в официальной переписке к болгарскому царю Симеону его византийский корреспондент. Однако церковная дипломатия Византии, как показал Д. Оболенский, была чрезвычайно гибкой: ученый пишет о русско-византийском соглашении, специально регулировавшем назначение главы русской церкви³. Д. Закинос⁴ вообще склонен, правда, считать, что православная

² *Moravcsik Gy.* The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy // Actes du XIIe Congrès International d'Études Byzantines. Beograd, 1963. T. 1. P. 301 sq.

³ *Obolensky D.* The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy // Ibidem. P. 45 sq.

⁴ *Zakythenos D.* // Ibidem. P. 313 sq.

церковь изначально никогда не была делом национальным, однако и он признает важную роль «церковной дипломатии» в Византии.

Другим средством дипломатического разрешения проблем, постоянно и активно используемым Византией, были денежные выплаты контрагентам — в виде подарков, дани, единовременных выплат. Византийцы были уверены в том, что все на земле, в том числе и в государственной и международной сферах, не говоря уже о человеческом индивидууме, будь он ремесленник или эмир или вождь соседней страны, — имеет свою цену. С другой стороны, лояльность по отношению к Империи — такая же вещь, тоже стоящая определенных и немалых расходов. В соответствии с этим, даже очевидные выплаты, вырванные у Византии оружием в виде дани, рассматривались как благодетельные дарения василевса, одаривающего партнера в обмен на его определенные обязанности.

Использование символики ритуала и большого престижного значения византийской титулатуры — также один из методов византийской дипломатии, отраженный и в русско-византийских договорах. Впервые Карл Великий в 812 г. был назван в Византии императором. О принятии Симеоном Болгарским в 913 г. титула василевса Болгарии уже говорилось; Стефан Душан также обретет титул василевса и автократора Сербии и Рومании. Д. Оболенский предполагал, что это коснулось и киевского князя Владимира в 989 г. Иностранные принцы, князья, наследники престола, просто видные политики и военачальники также получали, вступив в контакт с Империей, соответствующие византийские придворные титулы: они становились кесарями, патрикиями, севастократорами, экскусиастами, магистрами, протоспафариями и т. д.

Нельзя сказать, что византийцам было вообще чуждо восприятие иноземных политических реалий, — будь то в этнонимике (общеизвестно византийское пристрастие с архаическим названиям племен и народов) или в титулатуре. Напротив, в византийских документах мы встречаем и подлинные *termini technici* — *κράλης, ῥήξ, βοεβόδα* и т. д. или их византийские кальки — *ἀρχηγός, φύλαρχος, ἡγεμών, ἄρχων* и т. п.

Однако включение государства в византийскую «экуменическую» культурно-историческую общность сохраняло политический и правовой суверенитет и независимость государств-союзников. Но и здесь византийской дипломатией была выработана тонкая градация категорий для обозначения политических союзов, включающая как идею обязательности в выполнении пунктов договора, так и отношения вассальной зависимости от императора, даже если она была чисто номинальной. Такими разными по смыслу были греческие термины *ἔνσπονδοι, ὑπόσπονδοι, σύμμαχος, κατήκοοι, ὑπήκοοι, πρόξενοι, δοῦλοι, φίλοι*.

Наряду с символикой титулатуры и дипломатического этикета, очень важное место в отношениях с чужеземцами уделялось церемониям приемов, торжественных обедов, официальных и неофициальных бесед. Ритуал подобных целых представлений был строго дифференцирован в зависимости от ранга гостя, последовательность «мизансцен» досконально расписывалась в руководствах по приемам послов и режиссировалась. Прекрасным образцом такого памятника, особенно для изучаемого периода, является трактат «О церемониях византийского двора» — обрядник, авторство которого относили до последнего времени к императору Константину VII Багрянородному⁵. В книге приводятся примеры организации приемов различных иноземных послов; именно благодаря этому произведению мы столь подробно знаем обстоятельства посольства княгини Ольги. Обращалось внимание на эстетическое, эмоциональное воздействие на гостей увиденного в византийской столице. С этой целью демонстрировались императорские и церковные сокровища, памятники искусства, драгоценности. Этой же цели служили и богатые, часто ошеломляющие подарки визитерам, поднесение которых сопровождалось особым ритуалом.

⁵ Ср.: Шевченко И. И. Перечитывая Константина Багрянородного // Византийский временник. 1993. Т. 54. С. 6–38.

Сакральная важность церемоний, внимание к каждому слову и даже жесту, движению, местонахождению во время приемов в византийской дипломатической практике сказались в том, что центральными фигурами императорского ведомства международных отношений были должностные лица высокого ранга: наряду с логофетом дрома, — магистр оффикиев и магистр церемоний. Более того, не совсем, правда, ясно функции определенных чиновников, чье наименование, однако, указывает на их непосредственное участие в византийской политике по отношению к иноземцам. Имеется в виду $\acute{\omicron} \epsilon\pi\acute{\iota} \tau\acute{\omega}\nu \beta\alpha\rho\beta\acute{\alpha}\rho\omega\nu$ — «начальник ведомства варваров». Для изучения актовых международных материалов важны свидетельства о функционировании особого бюро, или архива, касавшегося дел иноземцев — «варваров»: $\sigma\kappa\rho\acute{\iota}\nu\iota\omicron\nu \tau\acute{\omega}\nu \beta\alpha\rho\beta\acute{\alpha}\rho\omega\nu$. Известен и «хартуларий варваров» ($\chi\alpha\rho\tau\omicron\upsilon\lambda\acute{\alpha}\rho\iota\omicron\nu \tau\acute{\omega}\nu \beta\alpha\rho\beta\acute{\alpha}\rho\omega\nu$): не в его ли архивах могли храниться и изучаемые русско-византийские договоры?⁶

То, что именно для Византии данные договоры имели прежде всего реальное юридическое значение, уже отмечалось в литературе. Напротив, изучение С. Франклином функции письменных актов в еще только складывавшейся канцелярской системе Древней Руси показало первостепенное значение именно символического ритуала соблюдения верности достигнутому договору. Аналогом этому явлению могут служить грекоязычные печати Древней Руси, основная часть которых датируется начиная с XI в., но Д. Шепард обосновал датировку одной из них серединой X в., связав ее находку с функционированием статей русско-византийского договора 944 г., обуславливающих необходимость использования печатей в двусторонних посольских и купеческих отношениях. Однако для Древней Руси на начальном этапе ее дипломатической практики большое значение имели ритуальные церемонии (типа известного позже «Крестного целования»), закрепляющие — часто устные — договоры с партнерами. Канцелярско-юридическое оформление акта было делом византийской стороны.

Однако не следует упрощать понимание принципов и методов византийской дипломатии. Д. Оболенский подчеркивает ее характерный дуализм: это всегда было сочетание консерватизма мышления и чуткой гибкости в практике, надменной гордости и широты гостеприимства, агрессивного империализма и политического благородства. Особое значение учета соотношения между политико-идеологической фикцией, использовавшейся Византией, и реальностью военно-политических планов, стоящих перед правителями становящегося могущественного Древнерусского государства, выдвигается на первый план при анализе русско-византийских взаимоотношений.

Вся история русско-византийских отношений после первого крупного военного конфликта в 860 г. и, вероятно, первых шагов к христианизации Руси — это история войн и перемирий, конфликтов и союзов, заключения брачных контрактов и ведение скрытых войн без оружия, выражавшихся в организации дипломатической изоляции, протокольных унижениях, в проведении политики «разделяй и властвуй».

Изучение русско-византийского договора 907 г. осложняется не только отсутствием оригинального текста, но и, как считается доньше, молчанием византийских источников о самом походе Олега на Царьград. Подробных свидетельств о походе в историографических сочинениях действительно нет. Правда, временем ок. 905 г. мы можем датировать упоминание о «скифских ладьях» в морском трактате, приписываемом традицией императору Льву VI (886–912), «Навмахика»⁶. В другом трактате Льва — «Тактике» упоминаются сражения на море с флотом арабов и росов⁷. Существует ли какая-то связь этих ремарок с походом Олега?

Примерно к этому времени относится и сообщение хроники Псевдо-Симеона (последняя треть X в.) об участии росов в войне Византии против арабского флота Льва Триполитанского.

⁶ Dain A. Naumachica. Paris, 1943. P. 32.

⁷ PG. T. 107. Col. 1011; Vasiliev A. A. The Second Russian Attack on Constantinople // Dumbarton Oaks Papers. 1951. Vol. 6. P. 183–184.

О росах, относимых в другом случае тем же автором к «франкам», т. е., в свете сказанного выше, к скандинавам, говорится: «Росы, или еще дромиты, получили свое имя от некоего могущественного Роса, после того, как им удалось избежать последствий того, что предсказывали о них оракулы, благодаря какому-то предостережению или божественному озарению того, кто господствовал над ними. Дромитами они назывались потому, что могли быстро двигаться (бегать. — М. Б.)»⁸.

В упоминаемом вожде некоторые комментаторы текста готовы видеть князя Олега. Правда, весь этот фрагмент Псевдо-Симеона представляет собой сложную контаминацию чуть ли не с эллинистическими географическими трактатами⁹, что затрудняет его историческую интерпретацию. Однако полностью отвергать на этом основании достоверность свидетельств хроники Псевдо-Симеона было бы поспешно: византийская историческая традиция знает немало случаев описания реальных событий средневековой истории, используя (подчас почти дословно) античные тексты с рассказами о войнах, осадах или эпидемиях¹⁰.

Самый полный и подробный текст русско-византийского соглашения представляет нам договор князя Игоря 944 г. Заключение данного акта являлось следствием военного конфликта между Русью и Византией, завершившегося заключением перемирия и дипломатическими переговорами. Византийские хроники, наряду с «Повестью временных лет», записками Лиудпранда Кремонского и арабским писателем ал-Мас'уди, сохранили свидетельства о походе Руси на Константинополь, начавшемся 11 июня 941 г. Полки росов ошеломили византийцев, ведя успешные боевые действия и опустошая окрестности столицы и близлежащие острова и предместья. 15 сентября они пустились в обратное плавание, в ходе которого потерпели поражение в новой битве. Об этом сообщают две другие хроники X в.: Продолжателя Феофана и Псевдо-Симеона. Продолжатель Феофана так повествует о событиях 941 г.: «Одиннадцатого июня четырнадцатого индикта на десяти тысячах судов приплыли к Константинополю росы, коих именуют также дромитами, происходят же они из племени франков. Против них со всеми дромонами и триерами, которые только оказались в городе, был отправлен патрикий. Он снарядил и привел в порядок флот, укрепил себя постом и слезами и приготовился сражаться с росами. Когда росы приблизились и подошли к Фаросу (Фаросом называется сооружение, на котором горит огонь, указующий путь идущим в ночи), патрикий, расположившись у входа в Евксинский понт (он назван «гостеприимным» по противоположности, ибо был прежде враждебен для гостей из-за постоянных нападений тамошних разбойников; их, однако, как рассказывают, уничтожил Геракл, и получившие безопасность путешественники переименовали понт в «гостеприимный»), неожиданно напал на них на Иероне, получившем такое название из-за святилища, сооруженного аргонавтами во время похода. Первым вышедший на своем дромоне патрикий рассеял строй кораблей росов, множество их спалил огнем, остальные же обратил в бегство. Вышедшие вслед за ним другие дромоны и триеры довершили разгром, много кораблей потопили вместе с командой, многих убили, а еще больше взяли живыми. Уцелевшие поплыли к восточному берегу, к Сгоре (место на вифинском побережье. — М. Б.). И послан был тогда по суше им наперехват из стратигов патрикий Варда Фока с всадниками и отборными воинами. Росы отправили было в Вифинию изрядный отряд, чтобы запастись провиантом и всем необходимым, но Варда Фока этот отряд настиг, разбил наголову, обратил в бегство и убил его воинов. Пришел туда во главе всего восточного войска и умнейший domestik схол Иоанн Куркуас, который, появляясь то там, то здесь, немало убил оторвавшихся от своих врагов, и отступили росы в страхе перед его натиском, не осмеливаясь больше покидать свои суда и совершать вылазки. Много злодеяний совершили росы до подхода

⁸ Ps.-Symeon: Theophanis Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. Bonnae, 1838. 707. 3–6.

⁹ Карпозилос А. Рос-Дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // Византийский временник. 1988. Т. 49. С. 112–118.

¹⁰ Бибииков М. В. Византийская историческая проза. М., 1996. С. 30–31, 42 и др.

ромейского войска: предали огню побережье Стена (т. е. Босфора. — М. Б.), а из пленных одних распинали на кресте, других вколачивали в землю, третьих ставили мишенями и расстреливали из луков. Пленным же из священнического сословия они связали за спиной руки и вгоняли им в голову железные гвозди. Немало они сожгли и святых храмов. Однако надвигалась зима, у росов кончалось продовольствие, они боялись наступающего войска domestika схол Куркуаса, его разума и смекалки, не меньше опасались и морских сражений и искусных маневров патрикия Феофана и потому решили вернуться домой. Стараясь пройти незаметно для флота, они в сентябре пятнадцатого индикта ночью пустились в плавание к фракийскому берегу, но были встречены упомянутым патрикием Феофаном и не умели укрыться от его неусыпной и доблестной души. Тотчас же завязывается второе сражение. И множество кораблей пустил на дно, и многих росов убил упомянутый муж. Лишь немногим удалось спастись на своих судах, подойти к побережью Килы и бежать с наступлением ночи. Патрикий же Феофан, вернувшийся с победой и великими трофеями, был принят с честью и великолепием и почтен саном паракимомена»¹¹.

Автор хроники Продолжателя Феофана называет росов «дромитами» и указывает на их «франкское», т. е. западноевропейское, происхождение.

Последний из известных по русским летописям договор Руси и Византии связан с итогами войны князя Святослава в византийских дунайских провинциях в 970—971 г. Наиболее полную информацию о ходе этих событий мы черпаем из «Истории» византийского писателя Льва Диакона. Она была написана, вероятно, после 992 г. в пору правления Василия II и охватывала царствование трех его предшественников: Романа II, Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, т. е. 959—976 г. (в повествование вставлены и эпизоды из первых лет правления Василия II). Родившийся ок. 950 г. в малоазиатском селении Калой Лев приехал учиться в столицу империи, там стал диаконом, и в правление Василия II состоял в придворном клире. В этом качестве он и сопровождал василевса в окончившийся неудачей болгарский поход 986 г.: участие в политических событиях последней трети X в., видимо, и дало историку право говорить в своем историческом труде об описании событий на основании собственного личного опыта, а не по литературным источникам. Впрочем, Лев Диакон, как это теперь выяснено, подобно другим своим современникам, воспользовался и так называемой «Историей Фок» и, возможно, документальными материалами.

Конец книги VII и вся книга IX «Истории» Льва Диакона посвящены описанию сражений армии Святослава с византийским войском у Доростола (Дристры). Лев Диакон представляет росов в высшей степени воинственным племенем: «Росы, стяжавшие среди соседних народов славу постоянных победителей в боях, считали, что их постигнет ужасное бедствие, если они потерпят постыдное поражение от ромеев (т. е. византийцев. — М. Б.), и дрались, напрягая все силы»¹².

Вместе с тем он отказывает им в воинском искусстве, утверждая, что они сражаются лишь в пешем строю и совершенно не могут ездить верхом и потому непригодны для кавалерии. Кроме того, они пасуют под ударами техники: «Они не могли выдержать действия снарядов, которые со свистом проносились над ними: каждый день от ударов камней, выбрасываемых [машинами], погибало множество скифов»¹³. Воинский опыт и стратегическое мастерство византийской армии противопоставляются звериным повадкам противников: «Росы, которыми руководило их врожденное зверство и бешенство, в яростном порыве устремлялись, ревя как одержимые, на ромеев, а ромеи наступали, используя свой опыт и военное искусство»¹⁴.

¹¹ Theoph. Cont. VI. 39; цит. по: Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Пер. Я. Н. Любарского. М., 1992. С. 175—176.

¹² Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri X. Paris, 1828. 140. 16—20; цит. по: Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко. М., 1988. С. 74.

¹³ Ibidem. 148. 2—5; цит. по: Лев Диакон. История. С. 77.

¹⁴ Ibidem. 141. 3—6; цит. по: Лев Диакон. История. С. 74.

Лев Диакон знает поименно как русских князей, так и некоторых предводителей его войска. Он называет «Сфенкела, почитавшегося у тавроскифов третьим после Сфендослава, доблестного, огромного ростом мужа, отважно сражавшегося в том бою»¹⁵. Сфендославом, в точной фонетической передаче имен в византийской традиции, назывался князь Святослав. Историк говорит о князе Игоре, напоминая, как «мидийским» (т. е. греческим, по нашей традиции) огнем «ромее превратили на Евксинском [понтe] в пепел огромный флот Ингора, отца Сфендослава»¹⁶. Решающую роль в победе над русскими отводит «греческому огню» и другой, агиографический памятник — «Житие Василия Нового» (конец X в.).

В описании решающей битвы русско-византийской войны 21 июня 971 г.¹⁷ рассказывается о втором по значению среди росов — Икморе: «Ободренные такой победой, росы вышли на следующий день из города и построились к бою на открытом месте. Ромее также выстроились в глубокую фалангу и двинулись им навстречу. Был между скифами Икмор, храбрый муж гигантского роста, [первый] после Сфендослава предводитель войска, которого [скифы] почитали по достоинству вторым среди них. Окруженный отрядом приближенных к нему воинов, он яростно устремился против ромеев и поразил многих из них...»¹⁸

Много внимания Лев Диакон уделяет описанию обычаев росов и их верований: «И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромодили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили несколько грудных младенцев, а также петухов, топя их в водах Истра. Говорят, что скифы почитают таинства эллинов, приносят по языческому обряду жертвы и совершают возлияния по умершим, научившись этому то ли у своих философов Анахарсиса и Замолксиса, то ли у соратников Ахилла»¹⁹.

Языческие верования русов описывают и другие источники. О сожжении ими покойников сообщают арабские авторы, об обряде жертвоприношения пленных у славян — Длугош, Титмар, Хельмольд. В византийской литературе о массовом заклении женщин на могиле умершего славянина сообщают Маврикий и Лев VI, арабские авторы, а также Титмар и Бонифаций. Ритуальные удушения описывают Ибн Русте, Ибн ал-Хусаин, Ибн Фадлан, а убийство младенцев — Псевдо-Кесарий (VI в.). Хорошо известен славянский обычай топить петуха — символ смерти. О жертвоприношениях петухов во время плавания росов по пути «из варяг в греки» сообщает Константин Багрянородный в X в.²⁰

Лев Диакон объясняет происхождение имени *рос* в соответствии с библейской традицией: «Тавроскифы и теперь еще имеют обыкновение разрешать споры убийством и кровопролитием. О том, что этот народ безрассуден, храбр, воинствен и могуч, [что] он совершает нападения на все соседние племена, утверждают многие; говорит об этом и божественный Иезекииль такими словами: «Вот я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос»²¹.

Таким образом, Лев Диакон соединяет классическую античную традицию, называя русских «скифами», «тавроскифами», «таврами», с апокалиптической.

¹⁵ Ibidem. 144. 19–21; цит. по: Лев Диакон. История. С. 76.

¹⁶ Ibidem. 144. 5–8; цит. по: Лев Диакон. История. С. 76.

¹⁷ Сюзюмов М. Я. Вспомогательные исторические науки и внутренняя критика при датировке событий // Вспомогательные исторические дисциплины. Свердловск, 1974.

¹⁸ Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri X. 148. 23–149.7; цит. по: Лев Диакон. История. С. 78.

¹⁹ Ibidem. 149. 17–150.4; цит. по: Лев Диакон. История. С. 78.

²⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М., 1989; 1991. С. 48–49.

²¹ Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri X. 150. 14–19; цит. по: Лев Диакон. История. С. 79.

Для сопоставления с материалом «Повести временных лет» и текстом русско-византийского договора 971 г. важно описание Львом Диаконом обстоятельств заключения этого соглашения: «Сам Сфендослав, израненный стрелами, потерявший много крови, едва не попал в плен; его спасло лишь наступление ночи. Говорят, что в этой битве полегло пятнадцать тысяч пятьсот скифов, [на поле] подобрали двадцать тысяч щитов и очень много мечей... Всю ночь провел Сфендослав в гневе и печали, сожалея о гибели своего войска. Но видя, что ничего уже нельзя предпринять против несокрушимого всеоружия [ромеев], он счел долгом разумного полководца не падать духом под тяжестью неблагоприятных обстоятельств и приложить все усилия для спасения своих воинов. Поэтому он отрядил на рассвете послов к императору Иоанну и стал просить мира на следующих условиях. Тавроскифы уступят ромеям Дористол, освободят пленных, уйдут из Мисии и возвратятся на родину, а ромеи дадут им возможность отплыть, не нападут на них по дороге с огненосными кораблями (они очень боялись «мидийского огня», который мог даже и камни обращать в пепел), а кроме того, снабдят их продовольствием и будут считать своими друзьями тех, которые будут посылаемы по торговым делам в Византии (т. е. Константинополь. — М. Б.), как было установлено прежде... Император... с радостью принял условия [росов], заключил с ними союз и соглашение и дал им хлеба — по два медимна на каждого. Говорят, что из шестидесятитысячного войска росов хлеб получили только двадцать две тысячи человек, избежавшие смерти, а остальные тридцать восемь тысяч погибли от оружия ромеев»²².

Описывая церемонию заключения договора, Лев Диакон представляет весьма живописный портрет князя Святослава: «Показался и Сфендослав, приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал. Так закончилась война ромеев со скифами»²³. Конец Святослава, убитого на обратном пути из Подунавья на Русь печенегами, также хорошо известен Льву Диакону, который завершает подробный рассказ о длительной русско-византийской войне и заключении в ее итоге договора описанием триумфа Иоанна Цимисхия в Константинополе.

Эпоха «великих битв» Византии последней трети X в. породила не только историографические повествования, но и стихотворные эпиграммы «на случай», посвященные тем или иным историческим событиям. Так, Иоанн Кириот, или Геометр (930 — ок. 990 г.), монах, священник, автор гимнов, прославляющих Богородицу, св. Пантелеймона, отцов церкви и подвижников-аскетов, прославился стихами военно-политического содержания — на смерть Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, на набег иверов, на мятеж болгар и т. п. Герой стихотворной похвалы Иоанна Геометра — император Никифор Фока — уподобляется солнцу, слава его подвигов доходит до Крита и Кипра, Тарса и Антиохии.

Однако не только, даже не столько мощь и слава ромейского оружия составляет лейтмотив исторической лирики Иоанна Геометра, сколько постоянно нагнетаемое чувство опасности и

²² Ibidem. 155. 6–156.14; цит. по: Лев Диакон. История. С. 81.

²³ Ibidem. 156. 18–157.12; цит. по: Лев Диакон. История. С. 82.

страха перед лицом варварского мира — «скифских» племен, «росского всеоружия», устремившегося на Византию. Славянская лексика в сатирическом облике («лай») попадает в одну из эпиграмм Кириота.

Отзвук драматических событий последней трети X в. в истории русско-византийских отношений получил свое отражение не только в историографии и поэзии. Не так давно был издан по хранящейся в Эскуриальской библиотеке под Мадридом греческой рукописи XI в. тактикон, т. е. разрядный список или табель о рангах, в соответствии с которым должностные лица и сановники должны были занимать свои места на официальных приемах. «Эскуриальский тактикон»²⁴ датируется как раз временем правления Иоанна Цимисхия или, по другой датировке, началом царствования Василия II (с 979 г.) и отличается от других аналогичных памятников более раннего времени: «Тактикона Успенского» 842—843 г., «Клиторология» Филофея 899 г. и «Тактикона Бенешевича» 934—944 г. Этот источник сообщает новые сведения об административном устройстве Руси второй половины X в. и позволяет конкретизировать взаимоотношения Византии с Русью и выходцами из Руси в последней четверти X в.

В анализируемом памятнике впервые упоминается масса небольших военно-административных единиц — стратигий. Так, в Северном Причерноморье, помимо хорошо известной по другим источникам фемы Херсонеса (античный Херсонес, в современном Севастополе), впервые появляется в списке стратиг Боспора. Создание этой фемы связывается с последствиями войны Иоанна Цимисхия с целью охраны пределов империи от возможных реальных вторжений русских сил. Фема (область) Боспора прекратила свое существование после взятия Херсона русскими в 989 г. и вновь была образована при Алексее I Комнине в конце XI в., что получило отражение в другом византийском источнике — у современника происходящих событий Мануила Страворомана.

В «Эскуриальском тактиконе» названы и начальники различных воинских подразделений (этерий) византийской армии. В числе новых значится этерия пехотинцев, под которой можно понимать дружину росов, которые служили в византийской армии как раз в пехоте. К тому же в «Книгах царств» Генесия (X в.) под 856 г. упоминаются пехотинцы из «этерий скифов из Таврики», что может также иметь отношение к формированию иноземного корпуса в Византии. Правда, под «тавроскифами» Генесия могут скрываться и хазары²⁵, если вообще данный пассаж Генесия не является интерполяцией XI в., так как в других источниках X в., не связанных с историографической традицией Продолжателя Феофана и Генесия, не оговаривается этническая принадлежность указываемых Генесием пехотинцев. Но два последних предположения трудно доказуемы.

Так или иначе, зная о частом привлечении в Византии иноземцев к службе в дворцовой страже и располагая точными данными о русских пехотинцах в составе византийских войск в 50—80-х годах X в., можно с достаточной степенью вероятности предположить, что в этерии пехотинцев, появившейся, согласно «Эскуриальскому тактикону», в 70-х годах X в., находились и выходцы с территории Руси.

Договоры Руси с греками, сохранные «Повестью временных лет», тем самым содержат важные свидетельства, характеризующие черты древнерусской государственности, а именно — наличие княжеской канцелярии, существование государственной дипломатической службы, складывание социальной иерархии, функционирование торговой организации. Вместе с тем, анализ договоров Руси с Византией в качестве одной из важнейших источниковедческих задач выдвигает

²⁴ Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantines. Paris, 1972.

²⁵ Ahrweiler H. Les relations entre les Byzantins et les Russes au IX^e siècles // Bulletin d'information et coordination. 1971. Vol. 5. P. 45.

необходимость сравнительного исследования в области славянской дипломатии и законодательства, поиск параллелей не только в византийской, но и в не византийской культурно-правовой среде, а также в сфере неюридических норм на уровне обычая и ритуала²⁶.

²⁶ В настоящей работе учтены также результаты исследований: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Щапов Я. Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X – сер. XVIII в.). М., 1975; *Каштанов С. М.* Интитуляция русских княжеских актов X–XIV вв. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1976. Т. VIII; *Он же.* Русские княжеские акты X–XIV вв. (до 1380 г.) // *Археографический ежегодник за 1974 г.* М., 1975; *Свердлов М. Б.* Древнерусский акт X–XVI вв. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1976. Т. VII; *Hellmann M.* Die Handelsverträge des 10. Jhds. zwischen Kiev und Byzanz // *Untersuchungen zu Handel und Verkehr der Vor- und frühgeschichtlicher Zeit in Mittel- und Nordeuropa.* Göttingen, 1987. Т. IV; *Карпозилос А.* Рос-Дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // *Византийский временник.* 1988. Т. 49; *Петрухин В. Я., Шелов-Коведяев Ф. В.* К методике исторической географии. «Внешняя Россия» Константина Багрянородного и античная традиция // *Византийский временник.* 1988. Т. 49; *Назаренко А. В.* Когда же княгиня Ольга ездила в Константинополь? // *Византийский временник.* 1989. Т. 50; *Литаврин Г. Г.* Реплика на статью А. В. Назаренко // *Византийский временник.* 1988. Т. 50; *Он же.* Состав посольства Ольги в Константинополе и «дары» императора // *Византийские очерки.* М., 1982; *Он же.* О юридическом статусе древних русов в Византии в X столетии (Предварительные замечания) // *Византийские очерки.* М., 1991; *Он же.* Условия пребывания древних русов в Константинополе в X в. и их юридический статус // *Византийский временник.* 1993. Т. 54; *Каждан А. П.* Косьма Иерусалимский и поход Руси на Константинополь // *Византийский временник.* 1991. Т. 52; *Шрайнер П.* Miscellanea Byzantino-Russica // *Византийский временник.* 1991. Т. 52; *Оболенский Д. Д.* Херсон и крещение Руси: против пересмотра традиционной точки зрения // *Византийский временник.* 1994. Т. 55 (80); *Malingoudi J.* Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jhs. aus diplomatischer Sicht.; *Малингуди Я.* Русско-византийские связи в X веке с точки зрения дипломатики // *Византийский временник.* 1995. Т. 56 (81); *Каштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996.